

10 НОЯ 1981

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ...

Недавно исполнилось девяносто лет народному артисту РСФСР Н. А. Левкоеву.

Более половины его жизни прошло в Горьком и связано со здешним Театром драмы. Почти сорок лет был Левкоев председателем местного отделения ВТО. Актер, режиссер, педагог, он создал более трехсот сценических образов, поставил десятки спектаклей, воспитал несколько поколений учеников.

Сговорившись по телефону о встрече, я застал Николая Александровича за письменным столом. Книжки, газетные вырезки, письма...

— В последний раз вы, Николай Александрович, вышли на сцену семь лет назад и с тех пор не играете. Что было для вас в новом положении самым трудным?

— Ощущение времени. Стало неожиданно много времени. Всю жизнь его не хватало, была расписана каждая минута: репетиция, училище, дела ВТО, спектакли, просмотры—и вдруг времени столько, что давать некуда. И телефон, раньше трещавший без умолку, зовет все реже и реже. Было тоскливо, одолевали прошедшее и воспоминания о людях, с которыми сводила жизнь.

Стал писать. С помощью дочери Ирины написано несколько сот страниц. Начал с детства. Наш домик в Тамбове. Тесная мастерская отца, слесаря по специальности. Дошел до 1927 года, до приезда в Нижний. Что будет

с написанным, не знаю. Но остановиться, не писать уже не могу...

— Через вашу жизнь прошло много людей. Что цените вы в человеке более всего и что старались прежде всего развить в своих учениках?

— Работоспособность. Работоспособность — это мастерство, культура, добросовестность. Я рос в большой, многодетной семье и с малых лет не знал, что такое праздность, бездельничанье. Качество эти меня всегда раздражали. На этой почве даже случались неприятности, конфликты, чаще всего, конечно, с учениками. Считали, что я придираюсь. Неестественные эти мнения до меня доходили, но тем не менее оставались безучастным к проявлению со стороны моих учеников недобросовестности, лени, халтуры я не мог. «Разносов» моих в училище боялись. Были, однако, среди учеников такие, которых публично я никогда не трогал. Ведь среди ребят одаренных часто встречаются индивидуальности сбалансированные, обостренным самолюбием. С такими разговор велся при закрытых дверях, один на один. Кстати, научился я этому у Соболевичова-Самарина. Бывая ежевечерне в театре, он не оставлял без внимания ни одного актерского

промаха, ни одной накладки, но никогда не позволял себе при этом бестактности.

— Если продолжить эту тему, то как относитесь вы к современным актерским нагрузкам?

— Я поступил на сцену уже после революции, когда очень живы были рассказы об актерах провинции, которым приходилось играть в сезон по несколько десятков ролей. Мне так работать уже не пришлось, но иногда этим своим предшественникам я завидовал, хотя недостатка в работе не испытывал. Как-то давно, лет пятьдесят назад, после триумфальных гастролей МХАТа в нашем городе я вдруг подумал: а что, если меня пригласят в прославленную труппу этого театра? Помечтать кто не любит? Так для себя решил — не пойду! Одна, от силы две роли в год. Мало. Впрочем, напрасно беспокоился: во МХАТ меня не приглашали. А вот предложения из других театров были.

— Часто такого рода предложения актер принимает, если у него не складываются отношения с руководством. У вас в этом смысле все было гладко?

— Отнюдь. Тут, пожалуй, будет уместно сказать о двух режиссерских типах. Один пре-

доставляет актеру свободу, охотно принимает, визирует чуть ли не любое актерское предложение, другой же относится ко всякой инициативе «снизу» крайне настороженно и требует неукоснительного выполнения его воли. Такого рода режиссером был народный артист СССР Николай Александрович Покровский, много лет после Соболевичова-Самарина возглавлявший Горьковский театр. И, что греха таить, разговоры наши на репетициях часто велись на самых высоких нотах. Но постепенно я научился понимать, что великолепный знаток классической русской драматургии и особенно пьес М. Горького, влюбленный в них, он с пронзительной ясностью видел спектакль, над которым работал, и каждый актерский ход, каждую мизансцену умел направить в русло своего замысла. Все, что мешало этому его видению, встречал в штыки. Между тем актеры, как правило, таких режиссеров чураются и недолюбливают. А зря. У них есть чему учиться, и конечный результат их работы многого оправдывает.

— Николай Александрович, то ли потому, что вы полвека отдали горьковской сцене, то ли по другой причине, но, думаю, что самым «репертуар-

ным» и, наверное, любимым вашим драматургом стал М. Горький.

— Совершенно верно. Но дело тут отнюдь не в местожительстве, не в моей прописке. Дело в том, что горьковских персонажей я знал лично, знал, говоря словами Егора Булычова, «и на глаз, и на ощупь», будь это купец, рабочий, интеллигент или босяк. Играя Горького, я всегда шел от реального, хорошо знакомого мне по жизненному опыту прототипа. Я играл Перчихина, Левшина, Печенегова, Сулова, Редозубова, Харитонова, Достигаева, Луку...

А совсем недавно решил перечитать работы некоторых горьковедов и сверить свои представления о сыгранных ролях с их мыслями. Расхождения обнаружались значительные. Почему? Потому, наверное, что актер постигает характер не столько рассудком, сколько сердцем и интуицией, а ученый — умозрительно. Когда, например, я репетировал Луку, то меня, да и, разумеется, режиссера Б. Воронова беспокоила мысль, как соотносится этот характер с отношением к нему Горького. Но я всем своим существом ощущал Луку стариком душевным, искренне сострадающим обитателям ночлежки, желающим

помочь каждому из них. И ведь это заложено Горьким-художником! Но как публицист, как общественный деятель принять Луку он не мог, и его отношение к нему было отрицательным. Но может ли актер играть отношение?! Интересная проблема! И касается она не только Луки...

— Вот вы ушли из театра, и что же, все связи с ним теперь порваны!

— Вот полюбопытствуйте, — и он показал на лежащие газетные вырезки и письма. — Это присланные мне из Тулы и Краснодара рецензии на спектакли театра, где гастролировал он нынешним летом. Это письма от коллег-актеров. Как же так, «порваны связи»?.. Я прожил в этом театре полвека. Не скажу, чтобы все в его сегодняшних делах радовало. Но ведь во все времена что-то было хорошо, а что-то оставляло желать лучшего. И в этом стремлении к лучшему актеров моего поколения поддерживало жизнеощущение реалистических традиций нашего театра, одного из старейших в России. Ему скоро двести, и я счастлив, что полвека его истории прошло на моих глазах.

С. ФИХ.

ГОРЬКИЙ.